

ОТ АВТОРА

«Джеки» — это роман, художественное произведение, на создание которого меня вдохновила биография Жаклин Кеннеди-Онассис. Это история женщины, хорошо известной широкой публике, но в действительности довольно замкнутой, очень умной и тонко чувствующей. Кроме того, это история о любви, о непростом браке и о потере себя вследствие чудовищного акта насилия. Любимая женщина, мать, жена — Джеки смирилась с трудностями, связанными с необходимостью постоянно находиться под неусыпным общественным вниманием. Она научилась использовать ресурсы власть имущих, окружавших ее, и в итоге смогла явить миру свое подлинное «я» как яркая, творческая, артистичная личность, а выпавшая на ее долю слава лишь подчеркнула ее таланты.

Эдгар Лоренс Доктору однажды сказал: «Историк расскажет вам о событиях, а писатель — о чувствах». В романе «Джеки» мне как раз хотелось исследовать связь между фактами и сопутствующими им переживаниями. Я пытаюсь понять, что случилось с героиней, как мир на это отреагировал и как это восприняла она сама.

История Джеки заинтересовала меня после того, как я увидела одну фотографию. Это не очень известный снимок, но меня он поразил. Черно-белое изображение Джеки и Джека в аэропорту летом 1957 года. Ветер колышет юбку Джеки, она стоит спиной к камере, на ее шее тройная нить жемчуга. Они

с Джеком в проеме двери. Он наклонился к жене, вероятно, чтобы сказать что-то или поцеловать на прощание. Восхитительное фото — в нем удалось передать удивительно интимную интонацию общения двух молодых людей. Совершенно очевидно, что они не знают, что их снимают. Схвачен тонкий момент, что-то очень личное: небольшое напряжение фигур, строгая сдержанность, с трудом обузданный чувственный порыв, легкая недосказанность, уязвимость, нежность. Я увидела здесь трогательную, бьющую в самое сердце красоту расставания. Вероятно, Джек улетает по делам избирательной кампании. А Джеки к тому времени уже беременна Кэролайн. Я долго рассматривала эту фотографию, и она просто обожгла мне душу. Следующие несколько дней я писала тексты по мотивам полученных впечатлений. Это были письма от лица Джека и Джеки. В моем романе герои вспоминают об этом снимке спустя годы, и для каждого из них он значим по-своему.

Кем была Джеки? Кем были Джек и Джеки вместе, прежде чем стали легендой? Поначалу это просто молодые люди, еще мало кому известные, недавно поженившиеся, радующиеся жизни и преодолевающие трудности, как это бывает в любой непростой любовной истории. Что это были за люди? Какой была Жаклин?

Я распечатала тот снимок. Темные силуэты, сблизившиеся лица на фоне яркой белизны неба. Хрупкость робкой близости стала основой романа. Но прежде чем начать его писать, я исследовала тему долгие годы. Эта история казалась слишком необъятной, а ее внешняя канва — слишком публичной. Уже и так очень много о ней написано. Но чем глубже я погружалась в нее, тем больше понимала, насколько неполно наше представление о Джеки. Дорис Кернс Гудвин, знавшая мою героиню, однажды сказала: «Есть какая-то культурная связь между ней и эпохой, в которой она жила...» Для меня

это утверждение стало ключевым. Мне кружило голову предвкушение, что в своей книге я смогу развить мысль Гудвин.

Я прочитала много, очень много книг о Джеки, Джоне, Бобби Кеннеди и других исторических фигурах, которые упоминаются в моем романе. Список того, что оказалось особенно полезным, приведен в разделе «Источники» в конце. Также я изучила бесчисленное количество журнальных и газетных статей. Я читала письма и работала в Президентской библиотеке Джона Ф. Кеннеди. Ездилa по тем местам, где бывала Джеки, читала стихи, которые она любила. Обращала внимание на рассказы Кэролайн и Джона Кеннеди — младшего о том, как горячо их мать любила литературу. В предисловии к сборнику стихотворений, которые я читала своим сыновьям много лет назад, Кэролайн рассказывала о том, что унаследовала от матери любовь к поэзии и филологии в целом. Такая любовь породила в ней желание привить то же чувство детям «не только ради удовольствия, но чтобы они могли воспользоваться великой силой — черпать идеи и оттачивать навык их выражения». Я запомнила эти слова. Они говорят не только о самой Джеки, но и о тех убеждениях, которые она передала своим потомкам.

Рассматривая фотографии, в том числе и широко известные (Джеки и Джек на парусной яхте еще до свадьбы; Джеки держит на руках маленькую Кэролайн, тянущую в рот материнскую нитку жемчуга; Джеки в узком белом платье что-то шепчет Джеку в коридоре Белого дома; Джеки и Бобби через несколько лет после того, как Джека убили; Джеки едет на велосипеде в городке Аквинна, штат Массачусетс), — я начала задумываться не о том, что на снимке, а о том, что происходило непосредственно перед тем, как он был сделан, а также сразу после него. Я стала искать фотографии, где моя героиня не замечает камеру, не знает о ней. Например, вот она качает дочку на волне в море или стоит на коленях рядом

с сыном спиной к фотографу, а вертолет с Джеком на борту взлетает с лужайки. В этих бесхитростных изображениях есть какая-то особенная, трогательная простота и искренность. Что она думала, что чувствовала в эти моменты? Ее личность была многогранной: что-то она открывала сама, что-то проецировали на нее. Джеки, Джекс, Жаклин, мисс Бувье, миссис Кеннеди, миссис Онассис, Джеки О.

Я остро ощущала, что во всем прочитанном и просмотренном не хватает чего-то человеческого, недостает какого-то волшебства. Мне стало любопытно, как в Джеки уживались очевидные противоречия: сила интуиции и холодный ум, а временами и точный расчет; уязвимость, открытость, эмпатия, теплота и жажда одиночества и даруемой им свободы; твердая воля, упорство, страсть к литературе, новым открытиям, искусству, архитектуре, истории; мощь и широта ее интеллекта; ее хрупкость, страхи и реакция на горе. И сложные отношения с властью и людьми на ее вершине.

Почти сразу мне стало ясно, что любовь к детям и материнство были основными свойствами ее характера, так же как и стремление наладить — планомерно, но в рамках возможностей — относительно нормальную жизнь Кэролайн и Джона. Она воспитывала в них интерес к миру и чувство ответственности. Я замечала это не только в том, что она говорила о детях, но и в их воспоминаниях и в их заботе о ней по мере ее старения. Меня поражало ее желание узнавать новое, наблюдать, учиться; ее вера в силу искусства и литературы. Все это, по ее мнению, могло менять общество. Я понимала: если хочу писать о Джеки, мне следует хорошо изучить исторические источники и документы, а затем оставить их в стороне — все! — чтобы подать эту историю по-новому, чтобы передать все движения души молодой талантливой женщины, любящей, строящей семью, а затем переживающей неожиданную трагедию и тяжелую утрату. Вот она горюет,

а вот — восстает из пепла, чтобы продолжать династию, снова жить полной жизнью, любить, трудиться, расти, расцветать, двигаться к цели, рисковать, ошибаться — иногда на глазах у всех. Меня заорожила эта история и возможность рассказать ее с точки зрения разных участников, передав подлинные эмоции и психологическую правду.

Мое внимание привлекло умение Джеки ввернуть острое словцо. Ее живой ум и способность шутить или даже язвить не были для меня неожиданностью, а вот ее страстность, искренность, человечность и удивительно прочная связь между нею и Джеком стали открытием. Пристально рассматривая их неофициальные фотографии, в том числе ту самую 1957 года, на которой они так нежны друг с другом, вероятно, не подозревая, что за ними следит камера, я чувствовала особенную, почти заговорщицкую близость людей, находившихся на одной волне. Между ними происходило что-то глубоко прекрасное и подлинное, и, притом что у каждого были свои сильные стороны, свои промахи, оба были своенравными и взрывными, в их отношениях царил взаимопонимание. В своей безусловной и беззаветной любви они были очень погружены друг в друга.

Как-то раз Джеки назвала себя аутсайдером. В определенном смысле она действительно была непохожа на других, стояла особняком. Мне нравится, что она читала запоем и все подряд. Она любила и богословские книги Рейнхольда Нибура, и романы ирландской писательницы Эдны О'Брайен. Она помнила наизусть целые строфы из «Улисса» Теннисона и поглощала поэтические сборники, чтобы найти подходящие цитаты для речей Джека.

Она часто прямо заявляла, что не любит, когда в книгах упоминается ее имя. Будучи книжным редактором, она старалась не фигурировать в списке благодарностей, где перечисляются работавшие над изданием люди. Мне это показалось

занятым и позволило посмотреть свежим и неожиданным взглядом на ее характер, на сложные отношения с властью. Эта женщина стала частью мифа, но на определенном жизненном этапе решила сама формировать и корректировать этот миф, находясь прямо внутри него. Интересно, как любовь к искусству, литературе и созданию историй пробудила в ней стремление воплотить искусство и миф в собственной жизни.

В этом романе мне хотелось показать столкновение двух начал: личности-субъекта, восприимчивой и тонко чувствующей, и личности-объекта, постоянно находящейся у всех на виду и обсуждаемой. Я стремилась передать возникающий из-за этого внутренний конфликт Джеки, ее работу над собой, попытку преодолеть разлом, примирить свои натуру и подлинные желания с тем, что хочет от нее внешний мир. Джеки ясно давала понять, что целью затеянной ею реставрации Белого дома стало восстановление гармонии — красоты и достоинства, — которая должна была отразить прошлые и будущие идеалы нации, а не ее точное историческое прошлое. Подобного же рода реконструкцию я стремилась провести, трудясь над биографией моей героини.

В своем произведении я вдохновлялась отдельными фразами Джеки, фрагментами ее речей и записей, найденными в открытых источниках. Этот материал лег в основу диалогов действующих лиц и размышлений героини. Я старалась передать ее характер, голос, мысли, ее беседы с родными, друзьями, знакомыми. Как часто бывает в исторических романах, я использовала случаи из жизни и фразы, которые уже появлялись в биографиях, фрагменты из интервью, выступлений и иных публикаций. Случается, что подлинные слова Джеки, взятые из документов, перекликаются с додуманными. Изредка могут попадаться отдельные фразы из других источников. Вот пример (впрочем, не единственный): я заимствовала две строчки из ее заявки на участие в конкурсе журнала

Voque на право стажироваться в Париже. Диалоги во второй и третьей части взяты из статей Нормана Мейлера о Джеке и Джеки, а в четвертой части — из интервью Теодора Уайта, Артура Шлезингера, Уильяма Манчестера и из материалов Комиссии Уоррена. Фразы из диалога Жаклин и Клинта Хилла о Далласе в третьей части, а также некоторые сцены из третьей и четвертой части книги я писала, вдохновляясь трогательными мемуарами Клинта Хилла «Миссис Кеннеди и я»*. В них хорошо видно, какой заботливой и деликатной была Джеки со своими близкими. Я подробно исследовала свидетельства людей, лично знавших ее, понимавших ее сложный характер и тончайшие движения души, ценивших ее ум, образованность, хрупкость. Я бережно собирала все то, что делает изображенного в романе человека живым и реальным, чтобы наделить этими чертами ее портрет и отразить их как бы изнутри. Я привела лишь несколько примеров того, как перерабатывала документальные материалы в своем творческом процессе. Повторю, что все использованные источники я перечислила в конце книги в разделе «Источники». Однако сам факт, что я опираюсь на исторические свидетельства и упоминаю реальные события, не меняет сути этой книги. Она остается именно художественным произведением.

О Джеки написано множество замечательных и глубоких документальных книг. И все же мне кажется, что роман придает известной личности другое измерение, представляет собой иную правду, задает особый эмпирический контекст, позволяющий воспринять эмоциональную сторону происходящих событий. В конце концов, свидетельства очевидцев и труды ученых — это тоже интерпретации, основанные на подборе и компоновке фактов. Что-то подчеркнуто, а что-то остается

* Издана на русском языке: Клинт Х. Миссис Кеннеди и я. — М.: Издательство «Э», 2017. 480 с. — *Здесь и далее прим. пер.*

в тени. Изучение того или иного героя — не статичный, а развивающийся процесс, который никогда не заканчивается. Истина — это калейдоскоп, постоянно меняющийся в зависимости от угла зрения, появляющихся данных, неожиданных подходов к теме. Женщины редко оказывались в центре исторического повествования. Художественное произведение позволяет уйти от поверхностных оценок того, что кажется известным и знакомым, и по-новому взглянуть на человека, эпоху и на жизнь в целом.

Джеки



Опасно пережить конец собственного мифа.

ЭНН КАРСОН



22 НОЯБРЯ 1963 ГОДА

Ей скажут, что нет сердцебиения, дыхания, пульса.

В холле, где она сидит, веет ледяным холодом — белая плитка на стенах, черный линолеум на полу. Клинт стоит рядом с ней, на расстоянии, достаточном для того, чтобы понимать друг друга без слов. Остальные неуверенно топчутся, сбившись в отдельные группы. Взволнованные приглушенные голоса, опущенные головы. Кто-то выходит, кто-то возвращается. Через толпу протискивается медсестра.

Три с половиной секунды — вот как быстро все случилось, — буквально несколько мгновений между первой пулей, просвистевшей мимо машины, и второй, попавшей в цель.

Если бы она посмотрела тогда вправо!

Если бы с первого раза поняла, что это за звук!

Если бы мысленно не сетовала на жару, сухость в глазах, на то, как их неудачно бросило друг к другу, когда автомобиль поворачивал, как сблизилась их руки и расплылись черты лица.

Если бы она не думала о том, как ей хочется снова надеть солнечные очки, и о том, почему он всегда настаивал, чтобы она их сняла: «Джеки, это для того, чтобы тебя могли рассмотреть. Позволить другим увидеть тебя». Она слишком

сосредоточилась на всем этом, прикидывала, как бы улизнуть от адской жары, спрятавшись в обещавшем прохладу туннеле впереди...

Она махнула рукой, и солнечный блик ярко сверкнул на браслете.

На сиденье между ними лежали розы, они начали соскальзывать на пол, а она пыталась придержать их рукой, чтобы они не упали.

Потом эти розы не выходили у нее из памяти — лепестки, обгаренные его кровью, сломанные под ее коленями стебли. Три раза в тот день на пути в Даллас кто-то вручал ей цветы, причем всякий раз желтые. Теперь они стали красными.

Впоследствии она будет повторять это снова и снова. Каждый раз, когда ее будут просить рассказать о тех часах, и даже без всякой просьбы, она будет говорить об этом. Слова еще не оформились в ее сознании, но потом она будет описывать темную радужную влагу, которой напитались розы, сломанные и раздавленные в ненавистном белом зное, когда она инстинктивно подскочила, чтобы схватить оторванный выстрелом фрагмент его черепа.

Иногда (все это будет позже) она будет спрашивать у Бобби, как могло случиться, что в те несколько секунд ее мозг уловил так много деталей, но при этом так мало удержалось в памяти.

Его убили из-за того закона.

Она это знала.

Закона о гражданских правах, который он хотел принять.
Вот за что его убили.

•••

В то утро, когда они покинули Белый дом — в четверг, всего за день до страшных событий, — Джек был безмятежен. Он сказал, что впервые за много лет спина болит не так сильно. «И что же мы будем делать, если застрянем на ферме у Линдона?» — спросила она. Кеннет в это время укладывал ей волосы. Джек зашел в комнату и стоял сзади и немного в стороне. Он встретился с ней взглядом в зеркале и пожал плечами.

— Будем кататься на лошадях, — ответил он.

Перед тем как выйти из комнаты, Джек протянул ей документ. «Если хочешь знать, чем я живу, прочти это».

— Это для Техаса?

— Нет, я просил Нойштадта изучить тот ракетный кризис и набросать отчет, чтобы понять, в какой момент все пошло наперекосяк.

Она бросила взгляд на бумагу. «“Скайболт” и Нассау. Формирование американской политики и англо-американских отношений». Сверху и снизу слева было напечатано: «Совершенно секретно».

Он стоял посреди комнаты, будто чего-то ждал.

— Я прочитаю, — сказала Джеки.

Он тронул карман пиджака, пальцы пробежались по темно-синей ткани.

— Я также собираюсь передать экземпляр Макмиллану, — произнес Джек. — Во всяком случае, подумываю об этом. Почему бы тебе не взять документ с собой — потом посмотришь и скажешь, стоит ли.

— Конечно, — ответила она.

Он, вроде бы удовлетворившись, вышел.

Но ее мысли были заняты речью, которую ей предстояло произнести по-испански на встрече с латиноамериканцами в Хьюстоне. Джеки положила отчет в стопку вещей, которые собрала в последний момент.

Однажды, несколько лет назад, ты уехал с вечеринки с другой женщиной. Блондинка в серебристом платье, в котором ее тело сияло лунным светом. Мы были женаты не первый год, но такое случилось впервые. Мне казалось, будто я смотрю на себя откуда-то со стороны и вижу, как ты уходишь с ней, а все в зале поворачиваются ко мне. Я попыталась изобразить пустой, ничего не выражающий взгляд — такое лицо бывает у жен, которые все понимают и которым все равно.

•••

Она сидит на металлическом складном стуле в коридоре больницы Паркленд и курит. Внутри нее холод и тишина, хотя все вокруг суетятся: топот ног, голоса, ужасный больничный запах.

Она думает, куда делось ее пальто, а потом понимает, оно на ней. Опускает взгляд на колени, на юбку... Лучше бы не смотрела туда!

Поворачивает голову назад и глядит сквозь людской поток на противоположную стену.

«Миссис Кеннеди, может, сходим в уборную и поможем вам умыться?»

«Миссис Кеннеди, мы привезли вам вещи, чтобы вы могли переодеться».

Все постоянно что-то твердят.

Двери первого травматологического отделения открываются, и в коридоре все стихает. Она поворачивается к вышедшему врачу и читает на его лице то, что и так знала, — по-другому и быть не могло при всем желании. Она встает, как будто понимает, как все должно происходить. Будто заранее суще-

ствовал некий сценарий, и Джек знал о нем, и ей сейчас придется исполнить свою роль.

Она проходит мимо доктора, несмотря на то что персонал пытается преградить ей путь. Протискиваясь внутрь, она представляет себя клинком, режущим толпу. Миновав строй мужчин в операционной, направляется к телу того, кто принадлежит ей. Он лежит под простыней, обнаженный. Она целует его ноги, склоняет свое лицо над его прекрасным лицом. Оно и сейчас такое же красивое, как раньше. Она снимает кольцо и пытается надеть ему на мизинец, но оно застревает на первом же суставе, и это огорчает, но она не стаскивает его обратно. Его прекрасная, пробитая пулей голова отвернута раной в другую сторону, глаза открыты и спокойны. Взгляд еще не стал пустым.

Мы сотканы из звезд, и я полюбила тебя с первого взгляда. Я любила тебя, даже осознавая, что из-за этого что-то во мне сломается.

•••

Накануне вечером в номере отеля кто-то развесил по стенам коллекцию взятых на время из музея картин. Шестнадцать чудесных живописных полотен: Моне, Ван Гог, Прендергаст. Джек нарисовал милые каракули в блокноте, лежавшем рядом с телефоном. Лодка с раздуваемым ветром парусом летит по волнам. В углу — какая-то фигурка.

— Это птица? — спросила Джеки. — Или воздушный змей, или такое облако?

— Это солнце, — ответил он.

— Нет, не может быть, — возразила она. — Что это все-таки?

— Я еще не решил, но что-то летит. — Он лежал на кровати. — Иди-ка сюда.

Мир не отбрасывает теней, время искривлено. Не существует до и после, есть только резкий и страшный звук, и все замедлилось, и твоя голова дернулась назад, руки поднялись к горлу, во взгляде растерянность. Я это помню. И помню, как подумала: со стороны кажется, будто у тебя болит голова.

•••

— Миссис Кеннеди, вице-президент Джонсон возвращается в Вашингтон, он хотел бы, чтобы вы полетели с ним, — говорит Клинт, приставленный к ней агент Секретной службы.

Джеки стоит в больничном коридоре. Дверь первого травматологического отделения снова закрыта. Бригада врачей еще что-то там делает. Ей сказали что, но она сейчас не может вспомнить и снова чего-то ждет на металлическом складном стуле. Подняв голову, она смотрит Клинту в глаза — такие же молодые, живые, темные, как и всегда.

— Мистер Хилл, объясните, пожалуйста, вице-президенту Джонсону, что я никуда не поеду без президента.

— Да, миссис Кеннеди, — отвечает тот и уходит.

Покидая свой дом в Вирджинии несколькими днями ранее, она в последний момент прошлась по комнатам, чтобы посмотреть, не забыла ли что-то. Нашла книжный дайджест с пометками Джека — он обвел в кружок те книги, которые хотел заказать. Смятый журнал завалился под диван, откуда торчал лишь его краешек. А еще она обнаружила игрушечный вертолет Джона, рассыпавшиеся из коробки мелки. Красный носок.

Как-то раз, много лет назад в Хайянис-Порт, еще до того, как мы поженились, солнце залило комнату светом, а на лужайке кувыркались дети в коротеньких белых шортиках с пятнами от травы. Я искала тебя. Прошла через гостиную. Вы с отцом

и Бобби разговаривали в комнате за коридором. Ты не знал, что я тут. Я слышала, как твой отец произнес мое имя, и остановилась. Я слушала, как вы втроем обсуждали мои достоинства: из добропорядочной и создающей иллюзию состоятельности семьи, красивая, но не слишком. А потом и недостатки: некоторый излишек интеллектуального снобизма и французского шика.

К горлу подступила тошнота: вы втроем говорили обо мне, как об участке земли, который необходимо оценить и измерить перед приобретением. Я бросила взгляд назад, ища пути отступления — дверь неподалеку выходила на лужайку перед домом, где стояла моя машина.

Но я не могла сбежать от тебя.

Потом вы с Бобби вышли из комнаты, а за вами и отец. Джо притормозил, увидев меня. Он понял, что я услышала лишнее.

...

С улицы вкатывают пустую каталку бронзового цвета. Металлическая конструкция на маленьких резиновых колесах. Фигуры О’Доннелла и Пауэрса вырастают перед Джеки. Она собирается спросить: «Что вы делаете?», но потом понимает, что они пытаются заслонить от нее происходящее, чтобы она ничего не видела. Доктор просит ее уйти.

— Вы думаете, меня расстроит вид гроба? — спрашивает она. — Я видела, как убили моего мужа, он умер у меня на руках. Я вся в его крови. Разве могу я увидеть что-то худшее?

Кажется, доктор, озадаченный и смущенный, съезживается в своем белом халате. Ее сознание не в состоянии анализировать все эти детали, удивляться им, обдумывать их значение. Дэйв Пауэрс спорит с судмедэкспертом, который утверждает, что надо провести вскрытие здесь, в Техасе, согласно закону штата. Отскакивая от линолеума, их голоса становятся громче и переходят в крик, разносящийся по всему коридору. Пауэрс объясняет, что вице-президент и Леди Бёрд Джонсон ждут

миссис Кеннеди в аэропорту Лав-Филд. А миссис Кеннеди ждет президента. Медицинскую экспертизу можно провести и в Вашингтоне, вне зависимости от того, что там говорится в этом дурацком тexasском законе об убийстве и его юрисдикции.

Она перестает следить за тем, что происходит вокруг. В какой-то момент каталка с гробом с большими ручками плавно выезжает из первого травматологического отделения. Она знает, что он там, а значит, пора идти. Он уезжает, и она уедет с ним. Гроб холодный на ощупь, и Джеки выходит за ним к катафалку. Клинт просит ее сесть в машину, которая поедет следом, но она объясняет: «Нет, мистер Хилл. Я поеду с президентом». Она забирается в заднюю часть катафалка, и Клинт карабкается за ней. Им приходится ехать, прижав колени к груди, хотя в передней части автомобиля, где находится Джек, места больше.

Не надо было позволять тебе приезжать сюда.

Гроб не пролезает в дверь самолета, и приходится наклонять его, чтобы протиснуть под углом. Она стоит внизу у трапа и наблюдает. От взлетной полосы поднимается жар. Кровь Джека запеклась на ее чулках. Можно было бы сказать этим людям, что у них ничего не получится, гроб не пройдет. Они перекидываются словами, но ей снизу их не разобрать. Клинт оглядывается на нее. Она читает в его глазах предупреждение за миг до того, как они отламывают ручки гроба. Раздается ужасный скрежет металла, отрываемого от деревянного корпуса. Гроб впихивают в салон самолета. Она поднимается по ступеням.

Но вылетать сразу нельзя. Необходимо дождаться судью, который примет присягу вице-президента. На кровати

в президентском отсеке кто-то разложил для нее чистое платье, жакет, чулки. Два голубых полотенца с символикой президентской авиафлотилии Air Force One лежат рядом с одеждой. Ее лицо, забрызганное кровью, мелькает в зеркале в туалетной комнате. Намочив салфетку, она принимается стирать эти следы. Нет. Зря. Надо все оставить как есть. Его кровь, ее лицо, зеркало — все это принадлежало им несколько часов назад, а теперь ничего не осталось. В дверь тихонько постучали. Входит Леди Бёрд и предлагает прислать кого-нибудь, кто поможет Джеки привести себя в порядок.

— Что, если бы меня там не было? — спрашивает она у Леди Бёрд.

Одна перчатка — правая — была утром белой, а сейчас темная от крови. Левая потерялась. Где она могла ее оставить?

— Давайте переоденемся, — мягко предлагает Леди Бёрд.

— Нет, — отвечает Джеки. — Я хочу, чтобы все видели, что сделали с Джеком.

Позже она уже не сможет припомнить, произнесла ли это вслух.

— Леди Бёрд, пришлите сюда, пожалуйста, мистера Хилла и мистера О’Доннелла. Я хочу передать распоряжения для своей матери и мисс Шоу. Это касается детей.

Судья, которая должна принять присягу вице-президента, оказалась миниатюрной женщиной в коричневом платье в белый горошек. В самолете стоит удушающая жара. Из-за тепла тел и скопившегося в салоне горячего застойного воздуха маленькое пространство с низким потолком разогрелось до предела. Людей набилось много, слишком много. Орел на ковре, так же как и раньше, простирает крылья, несмотря на то что присутствующие попирают их ногами. Кто-то хва-

тился Библии. «Она на ночном столике в спальне», — шепчет Джеки стоящему рядом О'Брайену. Тот выходит, чтобы найти книгу. Фотограф уже забрался на диван и сверху нацелил свою камеру. Свет отражается от его очков, пока он упирается спиной в изгиб стены, переходящей в потолок, сгорбившись, как тролль, пытаясь захватить всех в объектив. Заработали двигатели — затарахтели, закашляли, — и кто-то взял ее за локоть. Линдон. Он хочет, чтобы она встала рядом с ним. Все жмутся друг к другу в тесном пространстве, как сельди в бочке. Маленькими шажками она двигается туда, куда ее направили, и смотрит на свои руки. Странные, будто чужие, с непривычной полоской бледной кожи у основания безымянного пальца — следом от кольца.

— Вы не обязаны туда идти, — сказал ей Кенни О'Доннелл десятью минутами ранее в спальне. Он был раздавлен произошедшей трагедией, в один миг перечеркнувшей всю его жизнь.

— Мне кажется, я должна отдать этот долг своей стране, — ответила она.

...

Во время перелета она сидит в хвосте самолета с гробом Джека и ирландцами — О'Брайеном, О'Доннеллом, Пауэрсом. Экипаж снял некоторые сиденья, чтобы освободить место. Ее рука постоянно лежит на гробе. Впереди кто-то ест суп, и от этого запаха ее подташнивает.

Как же быть? Как мне это сделать и справлюсь ли я? Как превратить сумбур нашей жизни, с ее откровенными промахами и хаосом, в благопристойную историю, которую можно рассказывать детям, чтобы она выглядела так, будто у нас все и всегда было под контролем?

Теперь рядом ворчливо обсуждают, почему Джонсон принял присягу в Далласе. Он что, не мог подождать? Он заявил, что спросил у Бобби, и сделал так, как тот посоветовал. Хотя наверняка Бобби ничего подобного не советовал. Они замолкают, поняв, что она смотрит на них и слушает. На костюме Дэйва Пауэрса кровь. На мгновение она задерживает взгляд на ней, а затем рассказывает им о похоронах Авраама Линкольна и о книге из библиотеки Белого дома. И просит, чтобы кто-то из них напомнил Пэм: ей следует сообщить Уэсту, чтобы тот нашел это издание — его надо будет использовать при организации церемонии.

— Мы устроим похороны, как у Линкольна, — говорит она. — Там была лошадь без всадника, но мне надо перечитать и вспомнить детали — как ее взнуздать, как вести. Вот так мы сделаем.

Остальное время полета они рассказывают ей разные истории из жизни Джека. Мужчины налили себе виски, и она тоже немного пригубила из вежливости: они настояли, чтобы она выпила с ними, продемонстрировав тем самым, что принимают ее в свое братство. Они осиротели, и Джеки — это все, что у них осталось. Дэйв Пауэрс рассказывает о последнем визите Джека к своему отцу, Джо, в Хайянис-Порт. Он отправился туда на машине после встреч по сбору средств для избирательной кампании в Бостоне, которые прошли накануне вечером, после поездки в Гарвард и на могилу Патрика. А затем провел день дома. Дэйв описывает, как Джек поцеловал отца на прощанье. Джеки почти что ощущает губами щеку Джо, на нее веет соленым морским воздухом. Она делает еще один глоток виски, позволяя тому обжечь ей горло.

— Дэйв, вы знали Джека всю жизнь, — произносит она. — Что же вы будете делать теперь? Что с вами будет?

Глаза у него злые, в них застыло отчаяние.

— Вот что я скажу вам, Джеки. Не представляю, черт возьми!

Экипаж сообщает, что впереди гроза. Погода плохая, возможны ураганы в Миссисипи и Арканзасе. Но пилот попробует обойти их.

— Хорошо, — отвечает она. — Вы замечали, как быстро темнеет, когда летишь с запада на восток?

Часть первая



Не может быть правдой что-то одно.
Все — правда.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ, *«По ком звонит колокол»**

* Перевод И. Дорониной.



В детстве я никогда не летала во сне и не мечтала о сцене. Я хотела ездить верхом по пустому побережью. Хотела быть как Сапфо или представляла себя невидимкой либо цирковой акробаткой, вместе со смелым юношей выполняющей трюки на трапеции под куполом.

Я любила искусство, балет, лошадей и собак. Ходила с ободранными коленками, носила пластинку для исправления прикуса. Но на полке в комнате, куда меня отправляли спать днем, стояли книги Чехова и Бернарда Шоу. В итоге я никогда не спала, а сидела на подоконнике и читала. Моими кумирами были Маугли и Скарлетт О'Хара. Позже я узнала поэзию Вергилия, Теннисона, Эдны Сент-Винсент Миллей. Я любила танцевать, но классические балльные танцы мне не нравились. К двенадцати годам я была выше, чем большинство мальчиков. Неуклюжие и скучные, они не попадали в ритм, слишком торопились, вальсируя, и запаздывали в фокстроте. Я держала спину ровно, и мой взгляд скользил поверх их голов. Стены кружились вокруг, и в этом кружении я мечтала о Франции. Вот вырасту и стану писательницей, буду сочинять романы за столом в парижской мансарде, курить сигареты-самкрутки, бегать на свидания с артистами и аристократами, пить коктейль «Кузнечик» и до полуночи танцевать в клубах на Левом берегу.

А потом в одиночестве возвращаться домой вдоль Сены, и чтобы никто вокруг не знал, кто я такая.

Таково было будущее, которое я себе рисовала. Оно казалось явственным, почти осязаемым. В двадцать один год я почти реализовала эту мечту, но жизнь распорядилась иначе. Однажды вечером у Бартлеттов я познакомилась с тобой...

Эта встреча не входила в мои планы. Ты не был частью той судьбы, которая сложилась в моем воображении. Но в тот вечер я распознала в тебе знакомые и очень привлекательные черты — живое, неумное любопытство, острый, жаждущий открытый ум. Конечно, ты был хорош собой. Твоя манера держаться всегда притягивала взгляды всех присутствующих. Вольный и даже немного развязный стиль общения мгновенно покорял любую аудиторию. Такие манеры мне не нравились, они отдавали высокомерием. Но в тот вечер я разглядела в тебе кое-что более глубокое и ценное — хрупкость, уязвимость, стремление не просто быть звездой, но и дарить свет миру.

Ты был не в моем вкусе. Слишком американский типаж. Слишком красивый. Слишком ребячливый. Выходец из семьи нуворшишей, слишком увлеченный политикой.

И я сказала себе, что вовсе не желаю жить такой жизнью, как у тебя.



ВЕСНА 1951 ГОДА

— Он — как веселая молния, — говорит мне Чарли Бартлетт по телефону.

— Я уже познакомилась с вашим конгрессменом, — отвечаю я. — В поезде, когда еще училась в Вассаре*.

— И как он тебе?

— Флиртовал со мной. Мы некоторое время ехали в одном вагоне, и я была там единственной девушкой. Сидела и читала, не собираясь тратить драгоценный час своего времени на такого человека, как он.

— Какого «такого»?

— Таким людям нравится играть, но как только они выигрывают, сразу сматывают удочки.

Это было сказано грубовато. На том конце провода воцарилось молчание. Потом Чарли произносит:

— Джек не такой, он лучше.

— Нет, Чарли, — отвечаю я. — Это вы лучше.

Чарли Бартлетт. Умный и добрый человек, прекрасный писатель. Мой сводный брат Юша называет таких «интеллектуальной элитой». Чарли пытался познакомить меня с Джеком Кеннеди еще прошлым летом на одной свадьбе. Лонг-Айленд,

* Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж, основанный промышленником Мэтью Вассаром в 1861 году в городе Покипси, штат Нью-Йорк.

роскошный вечерний прием, фонарики на деревьях. Я беседовала с неким боксером, и тут подошел Чарли, взял меня под руку и повел в толпу, где, как ему казалось, был Кеннеди. Но выяснилось, что тот уже сбежал с какой-то девицей.

— Он метит в Сенат, — продолжает Чарли наш телефонный разговор. — Ему нужна жена, и он вовсе не глупый чванливый мальчишка.

— Я собираюсь устроиться на работу в Нью-Йорке, — возражаю я.

— И все равно вам надо познакомиться.

Тогда я ничего не ответила. Мне казалось, что молодежь, принадлежащую к джорджтаунским журналистским и политическим кругам, ждет какая-то тоскливая предопределенность, и они влачат унылое существование, переплывая, как сонные рыбы, с одного жизненного этапа на другой.

И все же через неделю, воскресным майским днем я еду из дома матери по дороге Чейн-бридж в Джорджтаун. Тепло, вишневые деревья отцвели, и листья приобрели темно-зеленый оттенок в преддверии лета. Узкие улочки под сенью ветвей, три невысокие каменные ступеньки, бронзовая дверная ручка, к которой тянется моя рука. Чарли пересекает гостиную, чтобы поздороваться со мной, его жена Марта выходит из кухни с высоким стаканом с чем-то вроде рома. Она на пятом месяце беременности: лицо сияет, рыжие волосы собраны в пучок на макушке. Марта протягивает Чарли напиток, берет меня за руку и ведет мимо кресел в стиле Шератона и развешанных по стенам гравюр на террасу, где собрались остальные гости. Я почти со всеми знакома или, по крайней мере, знаю в лицо. Вот Пэт Роше, с которой я соревновалась на скачках; ее муж Джефф как-то связан с Палм-Бич. Хики Сьюмерс, работающая в журнале Glamour. Всего здесь человек восемь. Один гость еще не приехал.

В 7:15 он наконец заявляется, бормоча извинения Чарли. Мы с ним встречаемся глазами, потом он переводит взгляд на Хики, которая сейчас просто замурычет от восторга. Он выше, чем казался тогда в поезде, но от него исходит все то же притягательное сияние. Все подвигаются ближе к нему. В мою сторону он посмотрит снова лишь позднее, когда сделает шаг назад и случайно наступит мне на пятку.

— Извините.

— Ничего, все в порядке.

— Мисс Бувье.

— Конгрессмен.

— Мы раньше встречались?

Мне кажется, что воздух сгустился.

— Да.

— Напомните мне...

— Может, в поезде «Мэрилендер»?

— Ах да, вы возвращались в колледж. Вассарский, кажется? Поразительно! Он помнит! Ну хорошо, давайте еще поиграем.

— Да, Вассар.

— Помню, вы читали.

— Джеки очень много читает, — вставляет Чарли. Они с Мартой возникли рядом с нами, так что мы вчетвером образуем углы ромба.

— А сейчас Джеки покидает нас и едет в Европу, — добавляет Марта. — Она выиграла литературный конкурс «При де Пари».

— На самом деле, не совсем так, — возражаю я. — Это никак не связано. Я еду в Европу на лето с моей сестрой Ли. А итоги конкурса еще не объявлены.

— А что вы получите, если выиграете? — спрашивает Кеннеди. Сам вопрос звучит так, что мне ясно: он любит побеждать.

— Работу в журнале Vogue. Приступлю осенью, шесть месяцев проведу в редакции в Нью-Йорке, шесть месяцев — в Париже.

— Она скромничает, — замечает Чарли. — У вас уже практически есть предложение, Джеки.

Мое лицо вспыхивает от смущения, я вяло улыбаюсь, так как ничего лучшего придумать не могу.

— Боюсь, что я провалила одно из заданий. В том эссе требовалось описать себя, а я, вероятно, была чересчур честна.

— Что такого вы могли о себе рассказать? — интересуется Марта.

Я улыбаюсь Джеку:

— Я описала одно из худших своих качеств: сначала во мне разгорается энтузиазм, но на полпути к цели я его теряю.

Повисает неловкая пауза, а потом Кеннеди смеется — легким, звонким, дерзким смехом. Бедная Марта, бедный Чарли — они такие добрые, чистые, искренние. Стоят как два близнеца, улыбки застыли на круглых физиономиях, а Джек Кеннеди смотрит на меня, глаза его все еще смеются. Одна рука — в кармане свободной спортивной куртки.

— Сколько, говорите, эссе вы написали для конкурса? — спрашивает он.

— Я не говорила, сколько. Но их было восемь. Они короткие.

— Это на восемь больше, чем стоило бы. И все ради награды, которая вам не очень-то и нужна?

— Здесь все как в охоте на лис, — отвечаю я. — На самом деле вы не хотите убивать животное, но испытываете удовлетворение от того, что можете принести домой трофей, за которым гнались.

Он снова смеется.

— Вам нравится Франция? — спрашивает он. — Тогда, в поезде, насколько я помню, вы читали книгу о француз-

ском искусстве. — У него очень явный бостонский выговор. Ох...

— Мальро. Меня увлек Андре Мальро.

— Чем?

— Вначале он торговал антикварными книгами. Затем написал статью, благодаря которой Нобелевский комитет обратил внимание на Фолкнера. Он получил Гонкуровскую премию, а деньги потратил, прочесывая Аравию в поисках затерянного города царицы Савской.

— Французский Лоуренс Аравийский.

— Он восхищался Лоуренсом, в отличие от большинства французов.

— Они до сих пор не любят Лоуренса за то, что он противостоял французскому влиянию в Сирии.

— Именно. А Мальро был настоящим героем.

Тут он на мгновение запинается, как будто моя нечаянная фраза затронула какие-то глубокие струны в его душе. Я вспоминаю, что слышала о его старшем брате, Джо Кеннеди. Именно Джо прочили политическую карьеру. Он был пилотом военно-морского флота и погиб во время одного из вылетов.

Мне становится ясно, что потеря была внезапной и страшной. Я смягчаюсь и сочувствую своему собеседнику.

Тем временем Чарли и Марта уже беседуют с другими гостями.

— Вы читаете по-французски? — спрашивает Кеннеди.

Я рассказываю, что в детстве мать иногда просила нас говорить за ужином только по-французски. Мы играли в слова. У каждого было по десять спичек. Если произносишь слово по-английски, выкидываешь одну. Тот, у кого останется последняя, выигрывает.

— Вы, вероятно, всегда побеждали? — интересуется он.

Да, всегда. Но я не скажу ему этого. Да и нет необходимости. Он знал ответ до того, как спросил.

— Моя мать ставила французские пластинки, пытаюсь обучать нас этому языку, — говорит он.

— И как, получилось?

— А вы как думаете?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос, конгрессмен?

Однажды в начальной школе учитель написал обо мне такой отзыв: *«Жаклин — чудесный ребенок, очаровательная маленькая девочка, умная, артистичная, но внутри кроется дьявол»*.

«Веди себя как леди», — говаривала моя мама. Не остри. Не задавайся. Будь тише и скромнее. Пусть мужчина почувствует, что он умнее тебя. Они не любят слишком умных.

Остаток вечера я веду себя деликатнее. Расспрашиваю Джека Кеннеди и других гостей о Джо Маккарти и Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, о деле Розенбергов, о генерале Макартуре, недавно отправленном в отставку президентом Трумэнном. «Как вы это оцениваете? О, замечательно! Мне не приходило в голову посмотреть с этой стороны!»

Джек Кеннеди, похоже, знает какие-то мелочи о каждом из гостей. Он спрашивается у Пэт Роше о ее дяде, члене Комиссии по атомной энергии. У Джеффа спрашивает про общего друга из Палм-Бич. Он будто ведет политическую игру, но в то же время делает это очень естественно.

Поэтому я с удивлением замечаю его легкую нервозность. Он постоянно теребит карман спортивной куртки или откидывает назад челку. Низ его брюк слегка задирается и поддрагивает над шиколотками. Он одновременно раскован и не уверен в себе. Не может долго поддерживать разговор на одну тему, быстро начинает скучать. А его чувство юмора напоминает мне моего отца.

Я отпиваю из стакана. Кубики льда чуть подтаяли и мягко звякают по стеклу.

В это время года, весной, в моем детстве мы собирали вещи и переезжали из квартиры в Нью-Йорке в имение Ласата, дом моих бабушки и дедушки в Ист-Хэмптоне. Там были конюшни (имена лошадей выгравированы на медных табличках, привинченных к стойлам), теннисный корт, виноградник. Бабушка обожала свой сад с живой изгородью из кустов самшита. В укромных уголках можно было наткнуться на статую или на россыпь маргариток и васильков. Бабушка проплывала по дорожкам в длинном платье и прикрывавшей от солнца шляпе, на руке висела корзинка с совком и садовыми ножницами. Она называла мне сорта роз, произнося и английские, и латинские названия, а дед в сорочке с высоким жестким воротничком и коричневом твидовом пиджаке выезжал по гравийной дорожке в своем старом красном дико ревящем кабриолете «Нэш», направляясь в город. Я провожала его взглядом: усы набриолинены, их жесткие тонкие концы торчат в стороны. На время поездки он вынимал слуховой аппарат. Ему нравилось ощущать вибрацию днища автомобиля и то, как колеса шуршат, попадая в колею. После обеда я возвращалась из бассейна в клубе «Мэйдстоун», и мы с дедом обычно читали стихи. Однажды он приехал посмотреть, как я выезжаю верхом на скачках в Мэдисон-сквер-гарден. Он сбегал по лестнице и снова взбегал наверх, кричал что-то моей лошади, подзадоривал меня. У него было прозвище Майор. Когда он умер, я ужасно горевала — эта смерть оставила глубокую рану в моем сердце.

Я чуть поворачиваю руку, чтобы незаметно глянуть на часы. Уже восемь. Скоро Марта позовет нас в дом, наверное, подадут запеченную курицу с горошком. Стол будет красиво накрыт: крахмальные салфетки и парадный сервиз. Я останусь на ужин, но потом сразу же уеду. Сошлюсь на головную боль. Решила, что не хочу, чтобы меня сводили с Джеком Кеннеди. Да, он умен и, конечно, обладает чув-

ством юмора, но что-то есть такое в его взгляде... Скорее всего, думает, что видит меня насквозь. Я тут же краснею — есть у меня неприятное свойство. Он так смотрит на всех женщин, а мне это не нравится.

— Вы читали новый роман Фолкнера?

Я оглядываюсь. Хики нагнулась к Лоретте и что-то нашептывает ей.

— Джеки?

— Да?

Он снова тут, смотрит весело, как будто все это игра, и меня приглашают в ней поучаствовать. Мое сердце забилося быстрее.

— Вы читали нового Фолкнера? — снова спрашивает он.

— Кажется, он лежит у меня на ночном столике. Но не наверху стопки.

— А кто сверху?

— Сейчас я читаю другой роман. «Уйди во тьму».

— Видел его в обзоре. А кто автор?

— Уильям Стайрон.

— Ах да!

Он откидывает рукой прядь волос с лица и смотрит на меня так, будто ждет, что я что-то еще добавлю. А я устала на него и жду следующего вопроса, потому что совершенно не знаю, как поддержать этот разговор. К тому же остальные — Чарли, Пэт — уже поглядывают на нас и гадают, что из всего этого выйдет и чем закончится. Мы оба молчим. Забавная, неловкая пауза.

— Ну что, пойдём ужинать? — радостно провозглашает Марта.

«Да», — отвечает кто-то. За распашными стеклянными дверями в зале часы отбивают очередную четверть. Сгустились сумерки, зажглись фонари, их свет отражается в полированном камне террасы. Но Джек Кеннеди все еще стоит

и выжидательно смотрит на меня с легкой ухмылкой. Эдакий золотой мальчик-красавчик ростом почти в два метра!

•••

— Ну, какой он? — спрашивает Ли на следующее утро за завтраком.

— Довольно нелепый, я даже не ожидала, — отвечаю я. — Ему надо подстричься и нормально питаться.

— Он богат, — говорит мама, отпивая апельсиновый сок. — Ирландец, да еще и донжуан.

— Дон Жуан был испанец, — хмыкаю я.

— Твой отец ненавидит его отца.

— Едва ли это имеет значение. — Я тянусь за тостом. — Я не планирую с ним встречаться.

Сестра бросает на меня беглый взгляд. Тот самый озорной взгляд, который так идет Ли. Какие же у нее тонкие черты и ясная, пронзительная красота! Такая красота кажется неотразимой, и нам, женщинам, часто говорят, что именно ее надо желать и к ней стремиться.

Звонит телефон, и мама выходит, чтобы взять трубку.

Ли ставит чашку с кофе на стол.

— Ну а теперь, Джек, все-таки расскажи мне, каков он на самом деле?